

Мультикультурализм и глобализация: проблемы и противоречия

М.С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Статья посвящена противоречиям мультикультурализма и глобализации. В статье рассматриваются причины провала политики мультикультурализма, дихотомия мультикультурализма и этноцентризма, евроцентризм как одна из составляющих процесса глобализации.

Ключевые слова: мультикультурализм; глобализация; евроцентризм; этнонационализм; цивилизация.

Одной из актуальных проблем современности является проблема создания мультикультурного общества. В конце XX в. мультикультурализм как принцип сосуществования этнически разнородных культур был признан одной из базовых ценностей демократического общества. В соответствии с этим, целью политики мультикультурализма является создание единого этнически неоднородного глобального сообщества.

В этой связи мультикультурализм противопоставляется этнонационализму как принципу доминирования одной этнической культуры. Этнонационализм принято считать основным свойством закрытого, авторитарного, зачастую тоталитарного общества. Мультикультурализм, в свою очередь, считается признаком открытого, демократического общества.

Однако в последние годы наблюдаются всё возрастающие сомнения в эффективности мультикультурализма как одного из базовых принципов современного общества. Подобные сомнения высказываются не только аналитиками и общественными деятелями. Сомнения в эффективности мультикультурализма высказывают и многие политические деятели. При этом если буквально в предшествующие десятилетия выражение сомнений в эффективности и приемлемости принципов мультикультурализма по большей части наблюдалось у маргинальных политических партий и общественных движений, то в текущем десятилетии подобные сомнения высказывают те политические и общественные

деятели, чья приверженность демократическим ценностям сомнений не вызывает.

Наиболее простым подходом к данной проблеме было бы противопоставление одного из подходов как положительного другому как отрицательному. Иными словами, возможно было бы признавать мультикультурализм безусловной ценностью демократического общества, а сомнения в его эффективности рассматривать как угрозу реставрации этнонационализма со всеми его негативными проявлениями. Точно так же можно было бы воспринимать мультикультурализм как искусственный конструкт, подрывающий национальную идентичность и угрожающий самому национальному суверенитету государства. В этом случае необходимо было бы признать этнонационализм положительным явлением, способствующим сохранению национального суверенитета как одной из основ демократического общества.

Однако оба эти подхода в последние годы проявляются скорее в эмоционально-идеологической сфере и как таковые отличаются определённой односторонностью в оценке объективных исторических процессов. Для более полного понимания внутреннего противоречия мультикультурализма как принципа необходимо внимательно исследовать провозглашаемую цель политики мультикультурализма: переход от множества этнонациональных сообществ к *этнически неоднородному глобальному сообществу*.

Сама по себе постановка этой цели показывает противоречие между процессом глобализации и сохранением этнического разнообразия. Под глобализацией, как правило, понимают объективный исторический процесс, ведущий к созданию единого сообщества с едиными экономическими связями, единой политической системой (или даже единой политической властью), едиными культурными нормами.

И. Валлерстайн отмечает, что в большинстве случаев «глобализация» обозначает якобы новый, недавно возникший процесс, в котором, как утверждается, государства *более* не являются основными центрами принятия решений, но оказываются, причем именно в последнее время, элементами структуры, где свои правила диктует «всемирный рынок», весьма загадочный, но вполне объективно существующий» [2, С.262].

Э. Тоффлер в работе «Третья волна» указывает, что по мере перехода от индустриального общества к постиндустриальному национальное государство будет отмирать как конструкт. Основными факторами этого процесса Тоффлер считает усиление экономических связей между нациями, которые не позволяют отдельной нации независимо управлять собственной экономикой; нарастание глобальных проблем современности, которые не может решить отдельная нация; возрастание глобальных коммуникаций, формирующих планетарное сознание [5, С.510-511].

В свою очередь, объективные экономические процессы порождают глобализацию производства, а необходимость решения глобальных проблем современности вызывает необходимость в создании межправительственных организаций, которые порождают глобализацию процессов политического управления [5, С.512-520].

Точно так же Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» предполагает деление будущего мира на исторический и постисторический. Для постисторического при сохранении национальных государств экономическая рациональность приведёт к объединению рынков и производств. Для исторического национальное государство останется главным центром политической идентификации, что будет неразрывно связано с религиозными, национальными, идеологическими конфликтами [6, С.416-417].

Иными словами, глобальное общество, объединённое общими экономическими связями, общими принципами политической власти, общими процессами коммуникации и связанной с этим общностью сознания противопоставляется этнонационализму как главному источнику межгосударственных конфликтов.

Однако следует обратить внимание на то, что все указанные процессы предполагают единую общемировую тенденцию, неизбежную для всех сообществ. Для Э. Тоффлера такой тенденцией является переход к постиндустриальной стадии развития цивилизации, для Ф. Фукуямы – переход к рыночной экономике и либеральной демократии. Излишне напоминать, что указанные концепции являются далеко не первыми и не единственными среди сходных идей, описывающих мировую историю как единый объективный процесс, распространяющийся на все сообщества и культуры.

Как известно, в противоположность множеству линейных концепций исторического развития в XX в. зародились концепции, рассматривающие мировую историю как процесс развития множества самостоятельных культур (или цивилизаций). О. Шпенглер в работе «Закат Европы» писал: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее количество противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть». [9, С.55] Шпенглер приводит различные примеры того, что идеи и ценности, основополагающие для европейской культуры, не являются значимыми для иных культур. Более того, Шпенглер показывает, что восприятие ряда идей как базовых для всей цивилизации фактически ограничено пределами какой-либо одной социальной группы или того или иного периода времени [9, С.59]..

В дальнейшем идеи Шпенглера развивал А. Тойнби, который выдвинул концепцию локальных цивилизаций. Несмотря на то, что цивилизации проходят сходные стадии развития, ни одна из них не может распространиться на мир в целом. Следовательно, мир представляет собой не столько единое целое, движущееся по направлению к универсальной глобальной цели (коммунизм, «открытое общество», постиндустриальное общество), а множество разнообразных культур, со своими собственными системами ценностей и представлений о мире. В этом отношении особого внимания заслуживает вопрос о возможности соединения таких культур в единое целое при сохранении их разнообразия – той цели, которая считалась базовой для политики мультикультурализма.

Как отмечал Тойнби, «Уже тот простой факт, что «великих держав» было больше, чем одна, свидетельствует о неспособности ни одной из них стать полностью универсальной. Однако каждая великая держава успешно оказывала постоянное влияние на жизнь общества, так что в некотором смысле она могла рассматривать себя как ось, вокруг которой вращается весь мир: и каждая великая держава надеялась также заменить собой весь мир, поскольку она была за-

мкнута и самодостаточна. Претензии эти распространялись не только на область экономики и политики, но также и на область духовной культуры» [4, С.5].

Таким образом, каждая локальная цивилизация основана на восприятии себя как центра мира и своего образа жизни как общемирового стандарта. Однако множество исторических примеров показывает, что замкнутая и самодостаточная сверхдержава, пытаясь распространить своё влияние на мир, приходила к кризису и распаду. Не считая примеров нежизнеспособности создания крупных империй путём открытого завоевания в древности, следует вспомнить, что и попытки создания единого центра экономического, духовного и политического влияния в современном мире также не имели того успеха, который ожидался.

А. Тойнби указывает, что по мере роста процессов индустриализации «Промышленная революция и нынешняя форма национализма действовали тогда сообща, создавая «великие империи», каждая из которых претендовала на универсальный охват, становясь как бы космосом сама в себе» [4, С.6]. Процессы индустриализации, охватывающие всё больше и больше локальных сообществ, породили представления о том, что глобальной естественноисторической тенденцией является переход всех существующих в мире сообществ к единой модели (социалистической или либерально-рыночной).

При этом особого внимания заслуживает тот факт, что единая модель и обосновывающая её идеология воспринимались как единственно возможный путь общемирового развития. Наиболее явно выраженным историческим примером служит историческая судьба марксизма, превратившегося в набор догм, которые искусственно навязывались самым разнообразным сообществам, в число которых входит и российское общество.

Альтернативой социализму в этом аспекте считается либерализм. Ф. Хайек в своей работе «Дорога к рабству» утверждает, что либерализм неспособен превратиться в догматическую систему ввиду отсутствия в нём каких-либо жёстких правил [7, С.44]. Однако следует обратить внимание на тот факт, что обоснование либерального общественного и деала сопровождается догматической нетерпимостью. Так, к примеру, Ф. Фукуяма заявляет, что «Для очень большой части нашего мира не существует идеологии с претензией на универсальность, которая могла бы бросить вызов либеральной демократии, и универсального принципа легитимности иного, чем суверенитет народа» [6, С.

89]. Само по себе заявление об универсальности той или иной идеологии указывает на присутствие в ней тоталитарных тенденций. Кроме того, вызывает сомнение отождествление тех или иных универсальных принципов с конкретной политической идеологией.

А.В. Бузгалин в своей критике попперовского противопоставления «закрытого» и «открытого» общества показывает, что «для него крайне характерно использование менторского, поучающего тона, выражающего абсолютную самоуверенность и абсолютную нескритичность, в том числе по отношению к своим положениям» [1, С.41]. При этом «для него единственным достойным и возможным обществом, за которое следует бороться, в том числе с применением насильственных методов, является общество, реализующее именно и только модель демократии, характерную для современных ему развитых стран» [1, с. 22].

Важно также обратить внимание на факт присутствия евроцентризма и либеральной идеологии в качестве «неявного знания» для общественных наук. В этой связи А. А. Зиновьев отмечает, что, хотя на Западе отсутствует единое учение в качестве государственной идеологии, на Западе существует профессиональная идеологическая среда, которая структурирует и выносит идеологическую оценку явлениям общественной жизни [3, С.143]. При этом сами подобные оценки камуфлируются универсальностью и объективностью общественных наук, противопоставляемых идеологизированному марксизму.

Однако И. Валлерстайн указывает на то, что «Связь между либеральной идеологией и обществоведением была и остается весьма тесной, причем не только на экзистенциальном уровне. Я говорю не о том, что все социологи были адептами либерального реформизма (это действительно так, но не имеет особого значения). Главное, что я хочу подчеркнуть, - это то, что либерализм и обществоведение базируются на одном и том же убеждении - на уверенности в способности человека к совершенствованию, проистекающей из умения регулировать общественные отношения на научной (то есть рациональной) основе» [2, С.200-201]. Иными словами, здесь присутствует та же идеологизация общественных наук, которую принято приписывать марксизму.

Таким образом, процессы глобализации были неразрывно связаны с универсалистской идеологией, которая принимала форму либо единого учения, охватывавшего всю сферу общественных наук (марксизм), либо присутствовала в

виде «неявного знания» для различных общественных наук. Представляется, что евроцентризм, претендуя на универсальность, содержит в себе предпосылки для трансформации в этнонационализм, навязывающий свое мировосприятие и образ жизни окружающему миру.

Вследствие этого «Европейская социальная теория - выступала ли она в виде антиисторических рассуждений социологов или в виде разрабатывавшейся историками стадияльной теории развития - оставалась предельно универсалистской в своем утверждении того, что процессы, происходившие в Европе в XVI-XIX веках, определяли модель, способную быть примененной повсеместно: либо потому, что она отражает прогрессивное, а потому необратимое развитие человечества, либо потому, что описывает процесс удовлетворения все новых потребностей человечества через устранение искусственных препятствий. Современная исследователям Европа выступала не только примером совершенства, но и всеобщей моделью будущего» [2, С. 231-232].

В этой связи политика мультикультурализма как создание единого общества многообразных культур вступает в противоречие в такой объективно сложившейся тенденцией процессов глобализации, как евроцентризм. Это противоречие указывает на одну из основных причин провала политики создания единого, культурно неоднородного общества. Однако реалии современности со всей очевидностью указывают не невозможность экономической, политической и культурной изоляции. Следовательно, основной проблемой является не противостояние мультикультурализма и этноцентризма, а поиск оптимального варианта взаимодействия неоднородных культур.

С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» указывает, что «Цивилизация... наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей... Цивилизации — это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них» [8, С. 51]. Следовательно, восприятие культурных и поведенческих норм иной цивилизации, сколь бы сильным не было её экономическое, политическое и духовное влияние, встречает противоречия

в закрепившихся ранее образцах поведения. Это и препятствует распространению политического и духовного влияния каждой цивилизации за пределами её географических границ. Исторический и современный опыт показывает множество примеров таких трудностей, причём наибольшую очевидность эти трудности приобретают при попытке создания глобального государства в той или иной форме.

К. Ясперс отмечает, что глобальное государство может принять форму «образованной в результате завоевания и подчинённой единой власти империй (быть может, в форме такого господства, которое как будто признаёт суверенитет многих государств, в действительности же осуществляет централизованное управление), либо возникшим на основе взаимопонимания и договорённости глобальным правительством соединённых государств, каждое из которых отказалось от своего суверенитета во имя суверенитета всего человечества». [10, С.208]

Послевоенный опыт показывает, что создание международных организаций рассматривалось как начальная форма создания такого рода глобального правительства. Однако исторический опыт наглядно показал, что согласованию интересов различных сообществ препятствуют различия в национальных и государственных интересах. В этой связи реалистичнее выглядело бы сосуществование различных цивилизаций основанное не столько на геополитическом и духовном доминировании какого-либо одного государства, сколько на экономическом и духовном взаимодействии между равно сосуществующими цивилизациями.

Таким образом, процессы глобализации фактически основывались на евроцентризме, т. е. фактически выглядели как форма этнонационализма, распространяющего сферу своего влияния без учёта культурных различий. При этом процессы глобализации происходили в неразрывной связи с претензиями на геополитическое доминирование государства, претендующего на ведущую роль в достижении глобальной исторической цели, основанной на той или иной идеологии. Очевидно, что эти процессы с неизбежностью будут встречать своё противодействие в виде этнонационализма. Следовательно, здесь фактически имеет место противостояние различных разновидностей этнонационализма.

Следует отметить, что европейская политика мультикультурализма не идентична евроцентризму, навязывающему модель своего поведения всем прочим

культурам. Однако попытки сохранить культурное, цивилизационное многообразие в рамках одного сообщества в реальной практике породили особого рода образования, которые фактически не включены ни в экономическую, ни в политическую, ни в духовную сферу европейского сообщества. С этим и связано признание неудачности политики мультикультурализма.

Признание же факта разнообразия культур с малой возможностью распространения области влияния локальной цивилизации за её естественные границы с неизбежностью требует отказа от претензий на геополитическое доминирование. Хотя общемировые экономические связи являются объективной реальностью, необходимо учесть своеобразие принципов экономической деятельности для различных культур. Это разнообразие препятствует созданию единой экономической сферы в мировом масштабе. Следует вместе с тем отметить, что идеи единства политической власти противоречат такому фактору, как различия в поведенческих образцах, а, следовательно, и в принципах управления, включая политическую власть, в разных культурах. Поскольку различные культуры предполагают различные представления о мире, есть внутреннее противоречие в попытке создания культурно разнородного сообщества в рамках единых духовных стандартов.

Таким образом, подлинным мультикультурализмом было бы признание права каждой исторически сложившейся цивилизации существовать в рамках её исторически сложившихся границ на основе её исторически сложившихся ценностей. Не менее важным моментом в осмыслении противоречий и неудач политики мультикультурализма было бы признание того факта, что экономические и духовные связи не должны предполагать геополитического и духовного доминирования той или иной цивилизации. Представляется, что подобное сосуществование разнородных культур соответствовало бы понятию «демократия» больше, чем попытка искусственного, а зачастую насильственного навязывания норм, принятых в качестве стандарта общечеловеческих ценностей.

Литература

1. *Бузгалин А.В.* АнтиПоппер: Социальное освобождение и его друзья. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 67 с.

2. **Валлерстайн И.** Конец знакомого мира: Социология XXI века /Пер, с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. **Зиновьев А. А.** Запад. Феномен западнизма . М.: Центрполиграф, 1995. 461с.
4. **Тойнби А . Дж.** Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.640с.
5. **Тоффлер Э.** Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
6. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с.
7. **Хайек Ф.** Дорога к рабству. М., 2005. 264 с.
8. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 700 с.
9. **Шпенглер О.** Закат Европы / Авт. вступит, статьи А.П. Дубнов, авт. комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.
10. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527с.

Кальней Марина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии МИЭТ.